

9. ИЮМ, Вып. 14, Витебск, 1883.
10. Грыцкевіч, В. Шлях вялі праз Беларусь/В. Грыцкевіч.-Мінск, 1982.
11. Чарот, М. Карчма/М. Чарот.-Мінск, 1926.
12. Мальдзіс, А. Падарожжа ў XIX ст./А. Мальдзіс.-Мінск, 1969.

МАРГИНАЛИЗАЦИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Е. Н. Сурта
БГТУ (Минск)

Изучение процессов маргинализации и стигматизации представляется важным для понимания эпохи позднего средневековья. Актуальность исследования процессов маргинализации обусловлена важностью для изучения и осмысления исторического процесса концепции социально-исторической антропологии, базирующейся на освещении социально-культурной эволюции и стремящейся к изучению человека во всех его измерениях, образа жизни, менталитета, норм поведения. Согласно принципу культурно-антропологического подхода к числу исторически значимых факторов относятся не только «события» из сферы политической и экономической жизни, но и явления и процессы социально-психологического, культурного и ментального характера, особенности мировосприятия.

Данная статья как раз и определяет предметом своего рассмотрения один из долгое время остававшихся в тени аспектов исторического исследования, связанных с изучением социальной эволюции западноевропейского города и процесса маргинализации в период позднего средневековья. Представители так называемых позорных, не статусных профессий, криминальные элементы, люди с физическими отклонениями, а также иноверцы и представители нацменьшинств подвергались различным формам правовой и социально-бытовой дискриминации.

Роль и функции, которые выполняли процессы маргинализации в средневековом обществе, облегчают ответ на вопрос о причинах устойчивости и социального одобрения формирования маргинальных групп. Формирование эмоционально окрашенного чувства коллективности и корпоративности, возможность для выражения социального престижа, усиление личной идентичности и борьба за первенство и власть характеризовали далеко не только эпоху между античностью и новым временем, а практически все общественные формации, и являются неискоренимыми, неотъемлемыми признаками всех сложных, основанных на социальных различиях общественных систем. Но проблема заключается в том, что процессы маргинализации не образуют инвариантную неизменную систему, а изменяются в ходе исторического времени, порождают определенные условия, которые не всегда поддаются чёткому описанию, время от времени угрожающим образом накапливаются и при изменяющихся общественных отношениях уменьшаются или заменяются другими формами. Первоначально средневековые группы дефинировались как круг лиц, «которые в результате негативных коллективных приписываемых признаков подвергались частичной или тотальной утрате своей чести» [5, с. 52]. Таким образом, общим знаменателем средневековых маргиналов является лишение чести, то есть лишение внешнего уважения и разрушение внутренней позитивной репутации.

«Наемные бойцы [в судебном поединке] и их дети, актеры и все незаконнорожденные, и воздававшие [осужденные] за кражу и грабеж или возвращавшие [нарабленные] и избалованные на суде, или которые откупаются от смертной казни или телесных наказаний [выкупают жизнь или кожу и волосы] — все они лишены прав», — так звучит одна из правовых норм в знаменитом «Саксонском зеркале» первой половины 13 века [1, ЗП I 38 § 1], которая является одним из примечательных ранних свидетельств проявления неадекватности совершенно гетерогенных с современной точки зрения групп лиц: двух профессиональных групп — наемных бойцов и актёров-шпильманов, а также тех лиц, которые по причине совершения разбоя или воровства были приговорены к бесчестящим физическим наказаниям или казни; ну и, наконец, те, кто вследствие обстоятельств своего зачатия и рождения нес на себе каинову печать неравенства и «урожденной бесчестности». «Саксонское зеркало» лишило эти социальные группы чести: они не могли присягать в невиновности, подлежали меньшей правовой защите и не включались в иерархию шитов. В качестве причины для такого лишения внешней чести чётко просматривается упрек в том, что эти социальные категории утратили свою внутреннюю честь. Наемные бойцы заступались за честь другого, не будучи задеты сами в своей чести; они становились причиной смерти или ранения других людей, чтобы на этом заработать, делали жизнь и здоровье других источником собственного обогащения. В отношении шпильманов делались сходные упреки в том, что они меняли свою честь на вознаграждение. Согласно средневековым представлениям, артисты бесчестили своё богоподобное тело притворно-естественным образом, а придворные певцы-поэты насмехались над истиной ради презренного металла. Проститутки считались греховно-преступными, так как они тоже бесчестили

себя ради финансовой выгоды. К этому добавлялся ещё один момент, который замыкал порочный круг: лишённые чести контактировали с лицами, которые также были поражены в своём социальном статусе и чести. Женщины древнейшей профессии жили за счёт распутников и прелюбодеев, палачи — за счёт преступников и грешников, шпильманы — за счёт пьяниц и тиранов.

Люди с физическими и психическими отклонениями рассматривались не только как отмеченные Богом ущербные экземпляры творения, но и как лица, которые не могли соответствовать внешнему кодексу чести, так как парализованные и слабые, душевнобольные и прокажённые были не в состоянии проводить дуэли, чтобы защитить честь свое семьи, они не могли верхом на коне отправляться в военный поход для защиты чести короля или христианской веры, ни не могли выполнять надлежащую работу, чтобы содержать свою семью и соответственно не могли занять достойное место в социальной общественной иерархии. В праве и чести в силу самого факта было отказано всем, кто считался не христианином или противником христианского общества: евреи, венецы, цыгане, жертвы инквизиции.

Современные понятия «маргиналов» и «изгоев», «Randgruppen» и «Außenseiter», «marginaux» и «exclus», «disvalued people», «outcasts» или «minority group» были неизвестны средневековым хронистам и другим средневековым авторам. Средневековые не знали чёткой системы соотнесения понятий, которая создавала бы независимо от региона и группы устойчивые понятия бесчестности. Например, церковь в отношении своих посвящённых в сан духовных лиц располагала собственным каноном. Так, согласно постановлениям собора в Аррасе (город на севере Франции) 1275 г. посвящённые в сан священники исключались из таких видов деятельности и ремесленных специальностей, как, валяльщики-сукновалы, ткачи, торговцы лошадьми, ремесленники, мясники, красильщики шерсти, изготовители кошелек, сапожники и кожевники, то есть устранялись от всех тех профессий, которые были связаны с переработкой или обработкой шкур или мяса убитых животных [6]. В других региональных статутах к этому добавлялись такие профессии как банщики, шпильманы, хозяева постоялых дворов или солдаты. Сложную дилемму для церкви создавало представление о чести и честности купцов, которое с большим трудом внедрялось в практику после инквизиции в 1199 г. папой Иннокентием III сына богатого ткача и купца из Кремоны Хомобонуса [5, с. 2], который считал, что умение управляться с ткацким станком ему дано свыше лишь для того, чтобы он мог помогать бедным, и умер он во время мессы в Кремоне, а с середины XVII века он почти повсеместно признается патроном всех промышленников и бизнесменов.

Определённую систему бесчестных, позорных профессий можно увидеть и у еретиков-катаров, которые отвергали все виды деятельности, связанные с убийством теплокровных животных, такие как: мясники, кожевники или сапожники; а также профессии, которые контактировали с глиной, материалом «злого демиурга», по мнению катаров, такие как: каменщики и гончары, а также отмеченные грязью ремёсла угольщиков, кузнецов и каменотёсов. И, напротив, ткачество, и все другие текстильные работы, считались исключительно уважаемыми, даже должность могильщика допускалась [4].

С начала XIV в. городские цехи стали формировать собственные критерии для оценки принимаемых в ремесленное братство. В северо- и нижнегерманских цеховых уставах требуется письменное подтверждение того, что кандидат является чистым и честным, немцем и не вендом, свободным и не крепостным, как это подчёркивалось, например, в уставе мелких лавочников Люнебурга [2]. «Чистый» означало «законнорожденный», что требовало было направлено на исключение рождённых вне брака, прежде всего детей священников, которые чётко оговариваются в цеховых уставах других городов. Категория «честный» относится к социальному и профессиональному происхождению и направлена на исключение «бесчестных», которые в некоторых уставах конкретно указываются: дети банщиков, «опороченных», льноткачей, вендов, священников и неженатых [3]. Требуя «немецкого» происхождения, цехи пытались исключить тех, которых они считали чужаками в этническом и религиозном отношении, в особенности «вендов», то есть славян. Но здесь акцент мог делаться либо на этническом аспекте, когда требовалось подтверждение происхождения от немецких предков, либо речь шла лишь о требовании владения «немецким языком», языком дело- и судопроизводства. Требование личной свободы может расцениваться как желание цехов и гильдий ограничить приток не городского сельского населения. Правда, прилагательное «свободный» в данном контексте часто синонимично понятию «немецкий» и тем самым противопоставляется «вендам», которые считались несвободными и язычниками.

На этих примерах становится очевидным, что ограничительные параграфы цеховых уставов практически всегда действовали на уровне общих средневековых представлений о чести и правах, и лежащие в их основе ключевые понятия «чистый», «честный» и «свободный» позаимствованы из области религиозных норм и общественных ценностных ориентаций.

Лишение социальной репутации и доброй славы конкретизировалось в многоступенчатой форме. На самом нижнем уровне бытового социального взаимодействия маргинализация

проявлялась в издевательствах, насмешках презрени и ругательствах; на уровне социального устройства, контроля и господства в утрате активного и пассивного избирательного права, права свободного распоряжения имуществом, доступа к «честным» братствам, цехам и гильдиям, в ограничении при поиске брачного партнёра и крёстного отца или доступе к образованию. Внешнее проявление маргинального статуса на практике выражалось также в предписании носить одежду позорных цветов или отдельные элементы одежды, свидетельствующие о социально принижённом положении, в проживании в удалённых от центра, не престижных кварталах.

Основание для включения разнородных социальных групп в категорию маргиналов кроется в традиции и обычае религиозных и светских носителей социальных норм и ценностей редуцировать или разрушать честь различных общественных групп. Так как в средневековые люди чаще всего опасались уменьшения своего социального признания и уважения больше чем телесных страданий и смертной казни, то, с одной стороны, они всячески стремились держаться подальше от любой видности дурной славы, а, с другой стороны, были склонны одобрять и поддерживать бесчестность иных людей, по тем или иным причинам воспринимаемых в качестве чужеродцев. На вторичном уровне утрата чести сопровождалась ограничением юридически гарантированной свободы действий, которая в экстремальном случае повышалась до физического уничтожения изгой.

Таким образом, мы можем дефинировать средневековые маргинальные группы как те гетерогенные группы лиц, которые в результате негативных общественных атрибуций подвергались частичной или полной утрате своего социального уважения, своей «чести».

Литература:

1. Pelkov, Э. фон. Саксонское зеркало / Л. И. Дембо. - Москва: Наука, 1985. - 192 с.
2. Ahlers, O. Die Befolkerungspolitik der Staedte des „wendischen“ Quartiers der Hanse gegeben Slawen / O. Ahlers. Phil. Diss. Berlin, 1939. - S. 35.
3. Codex diplomaticus Brandenburgensis., I. Hauptteil / Herausg. von Dr. Adolph Friedrich Riedel, Berlin: G. Keimer, 1861. - Bd. 20, Nr. XVI. - S. 350f.
4. Fichtenau, H. Ketzler und Professoren. Haeresie und Vernunftglaube im Hochmittelalter / Macho, Thomas H. (Hg.). - Muenchen: C.H. Beck, 1992. - S. 94f.
5. Hergemoeller, B.-U. Rbdgruppen der spaetmittelalterliche gesellschaft / hrg. von B.-U. Hergemoeller // Randgruppen der spaetmittelalterlichen Gesellschaft. - Warendorf: Fahbusch, 2001. - Neu bearb. Ausg. - S.1-57.
6. Lutterbach, H. Die fuer Kleriker bestimmten Verbote des Waffentragens, des Jagens sowie der Vogel- und Hundehaltung (a. 500-900) // Zeitschrift fuer Kirchengeschichte. Stuttgart: W. Kohlhammer, 1998. - Nr. 109. - S. 149-166.

ЗНЕСНЯ ПАЛІТЫКА РЭЧЫ ПАСПАЛІТАЙ АДНОСНА ГАНЗЫ, НІДЭРЛАНДАЎ, АНГЛІІ І ШАТЛАНДЫІ Ў 1597 – 1609 г.

В.У. Якубаў
УА "Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт" (Полацк)

Неабходнасць барацьбы Жыгімонта Вазы за шведскую карону з лютаўскай палітыкай пачале з Карлам Сундэрманландскім на тэрыторыі Швецыі (1597-1599), а з тым Філіпам (1600-1611) прывяла кіраўніцтва Рэчы Паспалітай да актывізацыі пошукаў хаўруснікаў у Еўропе. Польшча і ВКЛ не мелі дзяржаўнага флота, які быў неабходны для поспеху ў барацьбе з вярэннямі. Каталіцкі манарх Еўропы, на чале з Іспанскімі і Аўстрыйскімі Габсбургамі афіцыйна падтрымалі Жыгімонта Вазу, але практычнай дапамогі не аказалі [1, с.214]. У канцы XVI ст. Іспанскія Габсбургі знаходзіліся ў стане вайны з Англіяй і Злучанымі Правінцыямі (Нідэрландаў), а гэтыя краіны былі аднымі з асноўных рынкаў збыту сельска-гаспадарчай прадукцыі і сыравіны з Рэчы Паспалітай мелі эканомію, якая дынамічна развівалася і хутка нарошчвалі свае гандлёвыя капіталы і флоты на Балтыцы.

Найбольшы надзеі на падтрымку сваёй палітыкі Жыгімонт Ваза ўскладаў на Ганзейскі саюз. Фамальна васалы Свяшчэннай Рымскай імперыі, de facto гандлёвыя рэспублікі – Ганзейскія гарады пачале з Любэкам, у Сярэднявеччы маналізавалі гандль ў басейне Балтыйскага мора, але ў XVI ст. палітычная абасобленасць удзельніцаў саюзу зрабіла іх маёмасць адносна лёгкай здабычай для набіраўшых моц еўрапейскіх манархій. Тым не менш, тое што ўдзельнікі саюзу валодалі добрым флотам і тое, што Польшча і ВКЛ мелі традыцыю паспяхова ўзаемаадносінаў з буйнейшымі ганзейскімі цэнтрамі Гданьскам і Рыгай – прывяло да спробы выкарыстання Ганзы ў дынастычнай барацьбе за шведскі трон і Інфлянты.

Па ўмовах Цяўінскага перамір'я паміж Карлам Сундэрманландскім і Барысам Гадуновым (1595г.) купцы Любэка выкідваліся з гандлю з Маскоўскай дзяржавай праз Нарву. Адначасова

англійскія і нідэрландскія купцы і піраты паспяхова выціскалі ганзейцаў з еўрапейскага эканамічнага жыцця. Утварылася спрыяльная сітуацыя для іх палітычнага саюзу Любэка і манарха Рэчы Паспалітай. З гэтай мэтай у 1598 г. Жыгімонт Ваза накіраваў два пасольствы да любэчан: на пачатку года Юрыя Фінка, а ў ліпені – Крыштофа Сужа (шведаў па паходжанні). Іх мэтай было заключэнне саюзу супраць Карла Сундэрманландскага. Хоць на просьбу даць флот для караля Рэчы Паспалітай Любэк адказаў адмовай, але падтрымаў прапановы спыніць гандль са Швецыяй і пачаць каперскую вайну супраць Карла Сундэрманландскага. Шведскія тавары ў горадзе былі арыштаваныя і аб тым, што гэта адбылося па просьбе законнага караля быў праінфармаваны яго супернік [3, с.33]. У адказ, увосень 1598 г. шведы захапілі ў Фінляндыі караблі, а канторы і склады Ганзы ў краіне былі зачынены, купецкія кнігі скасаваныя.

Перад пачаткам інтэрвенцыі ў Швецыю (1598) была зроблена спроба стварэння эканамічных цяжкасцяў для палітычных праціўнікаў Жыгімонта Вазы. 3.10.1597 г. кароль забараніў гарадам на ўзбярэжжы Рэчы Паспалітай гандляваць жывёлай і зернем з кім-небудзь, хто паходзіць са Швецыі [2, с.127]. Ганзейскаму саюзу давялося прыняць ўдзел у дынастычнай барацьбе Вазы і Пачалася каперская вайна на Балтыцы. Асабліва ў ёй вызначыліся Любэк, Гданьск і Рыга. Ганзейцы схапілі сакратара Карла Сундэрманландскага – Кустодзіуса [2, с.127]. Для перавозкі сіл Жыгімонта Вазы ў Швецыю былі захаплены ці нанятыя 82 англійскія і нідэрландскія караблі, якія знаходзіліся ў Гданьскай гавані [4, с. 74]. Аднак дзеянні на тэрыторыі Швецыі складаліся няўдала для Жыгімонта Вазы 1.11.1598 г. шведы заблакіравалі каралеўскія транспарты і прымусілі здацца англійскія караблі, капітаны якіх адмовіліся падпарадкавацца загаду прарывацца, іншая частка флота была знішчана [5]. 5.11.1598 г. вайска Жыгімонта Вазы была разбіта пад Стангебро. Потым змаганне паміж прыхільнікамі Жыгімонта Вазы і Карла Сундэрманландскага было перанесена на тэрыторыю Фінляндыі (1599), а потым у Эстонію і Інфлянты (1600 – 1611). Адначасова Карл Сундэрманландскі падтрымаў няўдалую спробу уняць паўстанне гарадскіх нізоў супраць магістрата Любэка, але магістрат горада застаўся хайрускай законнага караля Рэчы Паспалітай і Швецыі.

Жыгімонт Ваза працягваў дасілаць у Любэк пасольствы: Юрыя Фінка (сакавік 1599 г.), у лістападзе 1599 г. і двойчы ў чэрвені і ліпені 1601 г. Самуэля Ласкага [6]. У выпадку ўтварэння палітычнага саюзу любэчанам быў паабяцаны сталы заробак, які павінен быў зацвердзіць Сойм Рэчы Паспалітай. Аднак соймавая ўхвала так і не была прынятая. Там не менш, Любэк заявіў аб падтрымцы Жыгімонта Вазы за ўласны кошт маракамі і флотам. Але на просьбу паслоў вярнуць караблі Рэчы Паспалітай, якія патрапілі пасля няўдалай выправы на Швецыю ў Любэк (1599), любэчане абяцалі пракансультавацца з імператарам Свяшчэннай Рымскай імперыі. Караблі не былі вярнутыя Рэчы Паспалітай. Шостае і сёмае пасольства да любэчан пачале з Юргенам Поссэ і Эрнхам Гуленстэрнам (шведскія магнаты - прыхільнікі Жыгімонта Вазы) не прывялі да актывізацыі падтрымкі Любэкам Рэчы Паспалітай. Іншыя ўдзельнікі Ганзейскага саюзу спрабавалі прытрымлівацца строгага нейтралітэту ў канфілікце паміж Карлам і Жыгімонтам Вазамі. Эканамічныя інтарэсы перавесілі палітычныя.

Па просьбе Філіпа II Іспанскага Жыгімонт Ваза летам 1597 г. даслаў пасольства на чале з хельсінкскім старастам Паўлам Дзьяльскім ў Злучаныя правінцыі Нідэрландаў і Англію. Мэтай яго было аказаць ціск на гэтыя дзяржавы празой разрыву эканамічных стасункаў, схіліць першых да вяртання пад іспанскае праўленне, а другіх прымусіць ўтаймаваць піратаў, якія перашкаджалі марскому ганлю у ганзейцаў Рыгі і Гданска.

Па прыбыцці ў Гаару на двор да Маўрыцыя Аранскага паслы на свае спробы схіліць галандцаў да пакорнасці Філіпу II легітымісцкай рэторыкай: "з аднаго боку бачым караля Іспаніі, які з'яўляецца дзедзічным уладаром, з іншага падданых якія ні боскім, ні людскім правам не могуць той уладзе прырачыць" [7, с.38] і пагрозы спыніць увоз у Галандыю збожжа і жывёлы атрымалі адказ, што Жыгімонт Ваза гаспадар свайго збожжа, а галандцы – сваіх грошай [7, с.39]. Працягваючы выконваць сваю місію, паслы выступілі перад другой галіной ўлады краіны - Генеральнымі штатамі Нідэрландаў (22.07.1597), паслы прывяло да стварэння праблемы пазбаўлення ад вялікай колькасці не занятых ветэранаў. Малодшая галіна Вазы актывна наймала і шчодра прыймала эмігрантаў з Нідэрландаў. Такім чынам пачаў фармавацца палітычны саюз Швецыі і Злучаных правінцый.

Адносны Ганзы і Англіі былі вельмі напружанымі. Пайшоўшы за патрабаваннем Габсбургаў Ганзейскі саюз спыніў увоз збожжа ў Англію. У адказ Элізабета I (1558 – 1603) забараніла мець сваім падданым якія – небудзь стасункі з ганзейцамі і зачыніла іх факторыю ў Лондане steel yard